

ДИСКУССИИ

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ М. КОУЛА
“КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ”
АКТ ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ ИЛИ АРТЕФАКТ?

© 1999 г. Т. В. Корнилова

Доктор психол. наук, доцент ф-та психологии МГУ, Москва

Обсуждаются некоторые из представленных в книге М. Коула линий преемственности культурно-исторической концепции и культуральной психологии. Уделено недостаточно внимания описанию психологической модели становления опосредствованности по Л.С. Выготскому, которая раскрывает механизм активности субъекта, использующего стимульные средства как психологические орудия изменения своей психической организации.

Ключевые слова: акт опосредствования, знак, артефакт.

Чтение методологической литературы обладает многими прелестями греха. Во-первых, познание. Во-вторых, познание чего-то необязательно, без чего можно прожить, как в раю. В-третьих, заочное общение с умными людьми (для очного нужна была бы дорога с двусторонним движением, а тут всякие “истории с географиями”).

Для психолога детство – это его обучение. В детстве маму нельзя оценить по “уму” (это из исследований по методике Келли: учительницу или соседку можно воспринимать как более умную или глупую, а дать такую оценку маме дети не могут, так как она для них существует в совсем других “личностных конструктах”, не “ума”). Культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского мы приняли в детстве так, что не могли бы оценить ее наравне с другими концепциями. Это же относится и к теории деятельности А.Н. Леонтьева. Потом могли быть разные взрослые и имеющие множество точек опоры критические позиции. Но место этих двух теорий в психологическом образовании поколений, услышавших последние лекции А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, курсы по методологии, прочитанные М.К. Мамардашвили и В.П. Зинченко, особое: они выступили в качестве первых нормативов научного мышления, усвоенных к тому же в замечательной ситуации “прамы”, когда преподаватели, ведущие семинары, еще напоминали студентам, на чьих плечах они стоят (и почему им оттуда хорошо видно). Поэтому уже прочтение названия книги М. Коула несомненно провоцирует ожидание встречи с чем-то очень значимым и хорошо знакомым.

Результатом этой встречи стали размышления, поделиться которыми позволяет открытая статьей А.В. Брушлинского дискуссия.

1. Эта ускользающая культура

Книга М. Коула (см. [6]) станет частью множества курсов по психологии. Ее не смогут обойти вниманием специалисты ни в области возрастной психологии, ни в кросскультурных исследованиях, ни в когнитивных теориях поведения и мышления. И сложность будет заключаться именно в попытке разъять эти области, спаянные в книге единой направленностью автора на утверждение нового взгляда на будущую психологию – психологию, исследующую культурное становление психики. Теория Л.С. Выготского и кросскультурные сравнения задают в первых главах, казалось бы, единую точку опоры. И, видимо, эта опора довольно крепка, потому что книга действительно прочитывается как целостная. Такой целостности нечего было бы противопоставить, если бы не ощущение, что в текстах самого Выготского культурно-историческая концепция выглядела другой.

Но сначала о понятии культуры. Коул четко определяет место “культуры” в кросскультурных сравнениях как аналога независимой переменной. Отечественные психологи недавно познакомились с тщательным представлением методических проблем организации кросскультурных исследований по новому учебному пособию (см. [10]). В них реализуется понимание культуры как общности жизни людей на определенной территории, в определенное время, т.е. в определенных социокультурных условиях.

Исследования в рамках старой проблемы оценки уровня культуры в тот или иной период в той или иной стране – по высочайшим достижениям или преобладающему менталитету – не предлагали “психологической переменной”, ко-

торая могла бы рассматриваться в качестве связующего звена между культурологией и двумя психологиями (в повторенной М. Коулом терминологии В. Вундта).

Коул задает такую переменную понятием “артефакт”. Перечисляя пункты согласия с другими современными позициями в этой области, он пишет: “Культурная психология подчеркивает, что всякое действие опосредовано контекстом” [6, с. 127]. Далее идут апелляции к “генетическому методу”, событийности повседневной жизни, “совместной опосредованной деятельности”, отвержение парадигмы “стимул-реакция”, опора на методы гуманитарных, социальных и биологических дисциплин. И еще один важнейший пункт: “...индивиды являются активными субъектами своего развития, однако их действия в конкретной среде не полностью определяются их собственным выбором” [там же]. Указанная общность позиций действительно касается и рассматриваемых им отечественных концепций. Но последний процитированный тезис уже включает то основное, что не позволяет, на мой взгляд, ставить в общий ряд с рассмотренными зарубежными теориями концепцию Выготского.

Дело в том, что культура представлена в этой концепции иным образом – через апелляцию к функциональному использованию искусственно созданных стимулов-средств, которые выступают условными стимулами и направлены не от субъекта на объект, а являются средствами овладения своим или чужим поведением. Эти две характеристики существенно отличают использованное Выготским понятие психологического орудия как “знака” от “артефактов”, имеющих ключевую нагрузку в понимании “культурно-исторического” развития Коулом.

2. Всегда ли оправданы утверждения об исторической преемственности?

М. Коул справедливо отмечает, что Л.С. Выготский и его коллеги были чрезвычайно начитанны, и это проявляется в их предисловиях к трудам Д. Дьюи, У. Джеймса, П. Жане, Ж. Пиаже, З. Фрейда, Л. Леви-Брюля, Э. Дюркгейма, гештальтпсихологов и многих других. Но далее его высказывание относительно того, чего не собирались делать русские психологи, несправедливо: “...узаконили культурную психологию, которая могла вобрать в себя обе стороны психологии В. Вундта” [6, с. 50]. Напрашиваются следующие существенные возражения.

Глубина проработки отечественными исследователями многих тем в психологии познания, в частности в психологии мышления, делает чрезвычайно привлекательной для зарубежных авторов идею о том, что якобы отечественная психология

подхватила ряд идей немецких, австрийских, американских и других психологических школ. Применительно к идее активности субъекта познания мы обосновали неправомерность такого подхода, выраженного, в частности, современным немецким знатоком отечественной психологии мышления В. Маттэусом [9]. Идеи активности субъекта мышления взросли в отечественных исследованиях на иной методологической почве, и сколь ни почетно было бы родство с сильнейшей немецкой психологической школой, оно может быть понято только в рамках ложной корреляции.

Коул предложил то же, что и Маттэус, только применительно к установлению кажущейся связи с психологией Вундта. Вот как он сам резюмирует понимание Вундтом конструкта высших психических функций: как “возникающих в результате слияния и наложения элементарных функций” [9, с. 42]. Любому, кто знаком с пониманием этого конструкта в культурно-исторической концепции Выготского, понятно, что речь здесь может идти только об аллюзии. Психологическая модель становления опосредствованности по Выготскому раскрывает механизм, который не представлен в идеях великого немца и лишь внешне перекликается с идеей “артефактов” американца, отважно переинтерпретирующего отечественную теорию.

Сказанное не означает, что в книге не намечено действительных линий преемственности. Мы могли бы указать в качестве примеров две следующие. Первая линия связана с введением понятия “переопосредствование”. Вторая – с идентификацией рождающейся в условиях моделируемой системы “Пятое измерение” новой культуры.

“Американские психологи (включая и меня), – пишет Коул, – кое-что отобрали из идей Л. Выготского и его последователей” [6, с. 137]. Что же из неотобранного видится нам наиболее существенным?

3. Знак или артефакт – что более истории ценно?

Идеи развития и широко понятого культурного опосредствования применительно к исторически развивающейся практической деятельности людей объединены Коулом конструктом артефакта как материального объекта, овладение которым позволяет присвоить и кристаллизованные в нем формы деятельности социального человека. “Культура с этой точки зрения может быть понята как целостная совокупность артефактов...” [там же, с. 133]. Такое признание “истории в настоящем” вполне соответствует представлениям о социальном происхождении психики в рамках признанных деятельностных подходов. Но называние моментом становления примитивного человека такой формы опосредствования, “в кото-

рой орудие и язык объединяются в артефакте” (с. 136), открывает столь широкие границы использования понятия опосредствования, за пределами которых остается механизм этого акта по Выготскому.

В дискуссионной статье Брушлинского это расширение (рамки понятия) отразилось в признании: “Все сказанное выше позволяет теперь *предельно широко* (выделено А.В.Б.) обобщить соотношение опосредствования и деятельности, составляющее главный предмет в рецензируемой монографии. Как мы видели, опосредствование характеризует абсолютно все без исключения уровни и сферы бытия, т.е. оно является универсальной, всеобщей категорией, распространяющейся на *Вселенную* в целом и на все ее подсистемы” [1, с. 124]. Если иметь в виду **опосредствование артефактами**, то с этим нужно согласиться хотя бы применительно к миру социума. Если же иметь в виду понятие **опосредствования** по Выготскому, то согласиться с этим не позволяют его тексты и представленная в них психологическая модель использования знака.

По Выготскому, не всякий стимул является орудием [4, с. 229]; по отношению к позиции Коула это прочитывается нами так: артефакта недостаточно, чтобы совершилось опосредствование. Следующее отличие – стимул воздействует не на объект (в концепции артефактов он связывает именно полюса “субъект” и “объект”). Стимул, которым Выготский разрывает бихевиористскую схему S–R, используется субъектом для преобразования своих психологических возможностей. К тому же это условный стимул, а не обязательно взятый из области материальной культуры артефакт. Эта условность, а главное, непонятно откуда берущаяся преобразующая сила стимула-знака рассматривались Брушлинским как вопиющий интеллектуализм концепции Выготского, его ахиллесова пята [2].

Для автора культурно-исторической концепции (мы не исключаем здесь Лурию, а фиксируем только тексты Выготского) происхождение и функция искусственных стимулов средств как знаков решали проблему источников опосредствования. “Эти искусственные стимулы-средства, вводимые человеком в психологическую ситуацию и выполняющие функции автостимуляции, мы называем знаками, придавая этому термину более широкий и вместе с тем более точный смысл, чем в обычном словоупотреблении” [4, с. 108].

Постараемся точнее указать, что вызывает чувство подмены, когда речь идет об опосредствовании.

Спор вокруг того, как понимать предложенную Выготским модель соотношения **натуральных** и **высших** психических функций, можно про-

должать по двум направлениям. Одно из них задано Брушлинским, другое – Коулом. Первый из авторов справедливо ставит под сомнение возможность понимания натуральных функций как не опосредованных человеческой культурой и социумом. Второй, как нам показалось, смешал реальности семантического треугольника и модели Выготского. В модели самого Коула “артефакты” как аналоги “стимулов-средств” составляют иной культурный элемент, чем в концепции “психологических орудий”, на аналогичном, а не буквальном отношении которых к реальным орудийным средствам деятельности настаивал Выготский.

Позволим себе цитату из “Истории развития высших психических функций”: “*В одном определенном отношении* употребление знаков обнаруживает известную аналогию с употреблением орудий... Таким существенным признаком сближаемых понятий мы считаем роль этих приспособлений в поведении, или, что то же, *инструментальную функцию знака*” (все курсивные выделения Л.С.В.). Полагая знак в качестве “орудия деятельности человека”, Выготский указывал, что вне деятельности – как широко понятой активности субъекта – опосредствование не предполагается.

У Выготского здесь слово “деятельность” – не конструкт из теории, а процессуально заданное условие, подразумевающее более конкретную (чем теория высокого уровня общности) психологическую модель – акта опосредствования. С этой точки зрения трудно согласиться со значимостью споров о соотношении концепций – культурно-исторической и деятельностной.

Если наше профессиональное знание подразумевает различие категориальных схем, налагаемых на психологическую реальность с целями ее интерпретации, то, значит, мы не должны смешивать миры теорий (в которых и выясняются преимущества той или иной схемы) и миры субъективной реальности, существующей для психолога в рамках психологических моделей, нагруженных эмпирическим базисом. Акты опосредствования происходят – или нет – в мире психологической реальности, где использующий стимулы-средства субъект может вообще ничего не знать о психологии. А теории деятельности функционируют в качестве нормативов мышления психолога.

4. Еще раз о культурогенности научного мышления

Книгу Коула я открывала с направленным интересом – какая же концептуальная схема понадобится, чтобы пройти этот путь обобщения с прицелом на критерий научности XXI века! Что меня удивило, так это слишком незначительное

внимание к процессам опосредствования при существенно больших усилиях, затраченных на подтягивание понятий из концепции Выготского–Лурии к линии схем развития “культуральной” психологии, для названия которой этот англицизм адекватнее, чем приписка “культурно-историческая”. Иная история прописана в книгах Выготского – не вклада уровней или переменных культуры в становление высших психических функций, а история активности человека по освоению возможностей своего “второго рождения” (по терминологии М.К. Мамардашвили).

Мамардашвили проанализировал идею культурогенности научного мышления человека в связи с преодолением им своих природных возможностей, с его “вторым рождением” [8]. Самоопределение человека в акте мысли означает сразу два аспекта: его зависимости и свободы в отношении к возможным структурам мышления, реализуемым только в этих актах. Концепция Выготского задавала схему научного мышления. В ней конструкт “опосредствующей деятельности” разрушается, если отвлекаться от подразумеваемого акта опосредствования. Конструкты деятельностного подхода могут налагаться на многие психические реальности как схемы нашего мышления о них. Акты же опосредствования налагаться на что-либо не могут; в концепции Выготского задана их психологическая модель, но они реализуются не моделью, а опосредствующей деятельностью конкретного человека, использующего знаковое средство в целях автостимуляции.

5. Потерянное опосредствование

Итак, главное, что ушло в книге из модели опосредствования по Выготскому – индивидуальная активность самого субъекта, обращающего условные стимулы-средства на себя. Ушел весь контекст актуалгенеза той активности субъекта, которая предполагается методиками двойной стимуляции и без реконструкции которой невозможно обсуждать “параллелограммы развития” (будь то интерпретация исследования Ж. Шиф или А.Н. Леонтьева). Напротив, линия овладения артефактами как элементами социума (и в сотрудничестве с другими людьми) в книге Коула оказалась максимально развернутой. На наш взгляд, она не покрывает проблемы **актуалгенеза активности субъекта**, не заданной самими по себе экспериментальными факторами (в названных экспериментах Шифа и Леонтьева это условия задачи и возраст испытуемых), но развивающейся в их обрамлении и причинно объясняющей показатели успешности решения задач испытуемыми.

Предположение о такой активности субъекта – единственное оправдание понятию опосредствования как фиксирующему процесс и результат из-

менения психических функций (по их структуре и степени произвольности).

Тексты Выготского оставляют большую свободу в выборе того, что же было главным в этой концепции. Рассматривая акт овладения знаком как “изготовление” знака в его инструментальной функции, А.А. Пузырей подчеркнул *психотехнический* аспект становления структур высших психических функций [11]. Именно “сигнификативные акты” представляют собой *человеческий способ регуляции поведения*. В них реорганизуется психический аппарат.

Хотя *высшие психические функции* Выготским противопоставляются *натуральным*, общим контекстом анализа для него являлась скорее проблема “социального и индивидуального”, чем “социального и биологического”. А.А. Смирнов отмечал, что представленное в этой концепции понимание значения слова как единицы анализа речевого мышления есть ключ к пониманию природы человеческого сознания в целом, а не отдельно взятой человеческой мысли [12, с. 175].

В контексте опытов по формированию искусственных понятий Выготский изменил терминологию и стал говорить о стимулах-средствах не как о “психологических орудиях”, а как о знаках [7]. Изменение типа методического приема, а именно – переход к методике *двойной стимуляции* стал тем редким случаем в ряду отечественных методических разработок, когда идея активности субъекта органично объединила и теоретическую, и методическую заявку.

Но что-то не сложилось в психологии с идеей *акта опосредствования*. Мамардашвили указывал: **мышление как акт** может состояться или нет, потому что мысль самопричинна. Ее возникновению можно способствовать, но нельзя отвечать (и, кстати, с позиций самого субъекта мышления) за то, состоится она или нет. С **актом опосредствования** мы видим здесь прямую аналогию. Но просматривается и другая проблема: практической неисследованности тех форм активности субъекта, которыми реализуется этот акт. Видим и реализованный в книге Коула поворот в сторону от этих актов и – к артефактам! В артефактах есть за что ухватиться, акт же опосредствования можно только реконструировать. А установить критерии адекватности тех или иных психологических реконструкций – совсем пропащее дело!

Итак, зависимость или независимость научного мышления от освоения схем, предполагаемых той или иной теорией, не может иметь прямого отношения к предположению о процессе активности, который имел в виду Выготский, описывая модель опосредствования. Эта модель относится к эмпирическому базису, который он назвал опосредствованием (и удвоение суффиксов – по отношению к термину опосредствования – сыграло

здесь существенную роль, указывающую на специфику этих актов по отношению к другим процессам развития).

Аспекты социальной детерминации становления высших психических функций и изменения уровня их произвольности выглядят для нас подчиненными другой, более глубокой идее, связанной с переинтерпретацией того, что происходит в психологическом эксперименте при использовании человеком стимулов-средств. Именно предложенная экспериментальная модель отражает специфику подразумеваемого конструктом опосредствования процесса.

Введенный термин опосредствованности предполагал становление "психологических орудий" как **стимулов-средств**, первоначально характеризующих взаимодействие субъекта с партнером в ситуации общения и затем оборачиваемых им на себя в качестве средств управления собственной психикой. Применительно к мышлению таким "орудием" стало слово как знак. Теперь можно было бы перефразировать Выготского: артефакты и значение слова имеют одно общее – они являются искусственными образованиями, созданными человеком специально, и тем самым элементами культуры.

Но акт опосредствования индивидуален в том смысле, что заданная в нем диалогичность должна быть присвоена субъектом, стать процессом самопреобразования, саморазвития. И перспективы развития культурно-исторической концепции не могут связываться с подменой одних процессов инкультурации другими. Возможно, стоит опять вернуться к такому критерию культурно-исторической концепции, как ее *интеллектуализм*. Самое странное, на мой взгляд, завоевание обыденной психологии – это привнесение идеи о том, что для достижения больших личностных высот достаточно житейской мудрости, а не интеллектуальности (искусственного образования,

подразумевающего к тому же определенную оценку уровня ее представленности). Один Мамардашвили печатно выступал за возвращение уважения человеку думающему и за обязанность интеллигенции "додумывать" мысли. Такая свобода – реалия сегодняшнего дня. Ее по-своему реализовал и Майкл Коул.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брушлинский А.В. Деятельность и опосредствование // Психол. журн. 1998. Т. 19. № 6. С. 118–126.
2. Брушлинский А.В. Культурно-историческая теория мышления. М.: Высшая школа, 1968.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. М.: Педагогика, 1982. Т. 3. С. 6–362.
4. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: АПН, 1960.
5. Корнилова Т.В. Идеи активности познания в отечественной психологии мышления // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 4.
6. Коул М. Культурно-историческая психология. М.: Когито-Центр, 1997.
7. Леонтьев А.Н. О творческом пути Л.С. Выготского. Вступительная статья к собранию сочинений Л.С. Выготского. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 9–41.
8. Мамардашвили М.К. Наука и культура // Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. С. 291–310.
9. Маттэус В. Многоуровневые концепции познания в российской и грузинской психологии // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 4. С. 49–59.
10. Методы исследования в психологии: квазиэксперимент / Под ред. Т.В. Корниловой. М.: Форум-Инфра-М, 1998. С. 108–130.
11. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М.: МГУ, 1986.
12. Смирнов А.А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975.

ACT OF MEDIATION OR ARTIFACT?

T. V. Kornilova

Dr. sci. (psychology), docent, faculty of psychology, MSU, Moscow

Some directions of succession between culture-historical theory and cultural psychology presented in M. Cole's book are discussed. The psychological model of mediation's development of L. Vygotsky discovering the mechanism of activity of subject using the stimuli-means as means of reorganization of his mental organization is not described in the book.

Key words: act of mediation, sign, artifact.

II СЪЕЗД РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В сентябре 1998 г. в Ярославле состоялся II съезд Российского психологического общества “Психология и практика”.

Съезд открыл исполнительный директор Российского психологического общества Т.Ю. Базаров. В работе съезда принимали участие 89 делегатов от 26 регионов – субъектов Российской Федерации, 15 членов оргкомитета, 136 гостей.

С приветственным словом выступил вице-губернатор Ярославской области Н.П. Воронин. Были получены приветствия от Международной Академии психологических наук, Японской психологической Ассоциации, ряда общественных организаций.

С отчетным докладом о работе президиума РПО за время, прошедшее после I Учредительного съезда, выступил Президент РПО академик РАО Е.А. Климов. Он отметил, что II съезд РПО не случайно проводится в Ярославле, поскольку именно здесь традиционно наиболее развитыми были проблемы практической психологии. По мнению Климова, в той или иной степени они затрагивают интересы каждого психолога. Рассматривая вопросы соотношения теоретической и практической ориентации психологов, он отметил, что эти аспекты очень часто бывают объединены в деятельности одного и того же специалиста, поэтому было бы неверным жестко делить психологов на “теоретиков” и “практиков”.

Климов дал развернутый анализ работы РПО за период, прошедший с 1994 года, когда состоялся I Учредительный Съезд Российского психологического общества: за это время организованы и работают Академия Практической психологии, а также 11 тематических секций. Помимо этого, важной формой работы РПО являются научные собрания и конференции общероссийского и международного уровней. Важно и то, что конференции проходили в различных регионах страны. За это время был создан ряд профессиональных журналов, газет, информационных бюллетеней.

Климов отметил, что основные задачи работы РПО следующие: доводить полезную психологическую информацию до широких кругов Российского общества, культивировать процедуры логического и эмпирического обоснования и научного доказательства, учитывать моральные и этические принципы. По докладу Е.А. Климова состоялись прения. Согласно программе съезда были заслушаны два пленарных доклада.

Директор Института психологии РАН, член-корр. РАН А.В. Брушлинский в докладе на тему “Теория, эксперимент и практика в психологии” обобщил результаты разных психологических исследований (методологических, эмпирических, прикладных), обосновывающих единство психологической науки. При таком обосновании эта наука не распадается на обособленные друг от друга теоретическую, экспериментальную и практическую психологии.

Заместитель министра общего и профессионального образования, академик РАО В.Д. Шадриков выступил с докладом “Психология способностей”, в котором были сформулированы основные положения разработанной им теории общих и профессиональных способностей. Он представил целостную концепцию психологии способностей, в которой раскрывается их онтология, структура и механизмы. Особое внимание Шадриков уделил ключевым вопросам: соотношения задатков и способностей, общих и специальных способностей; существования способностей до деятельности и развития их в процессе системогенеза деятельности, а также результаты экспериментальных исследований мнемических, перцептивных и музыкальных способностей. В заключение В.Д. Шадриков сформулировал стратегию исследования психологии одаренности, как интегрального проявления способностей.

После окончания первого пленарного заседания была организована работа “круглого стола” “Российский гуманитарный фонд и психологическая наука” (руководители А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, В.В. Знаков, Ю.К. Корнилов), которая прошла при активном участии делегатов и гостей съезда. Состоялась презентация научных изданий, подготовленных при финансовой поддержке РГНФ.

Далее работа съезда проходила в двух основных направлениях – организационном и научном. Были обсуждены и решены вопросы, связанные с внесением изменений в Устав РПО, изменением персонального состава руководящих органов РПО, приемом новых региональных организаций в его состав.

Президентом Российского психологического общества избран академик РАО, декан факультета психологии МГУ Е.А. Климов.

Президиум Координационного Совета РПО был избран голосованием участников съезда из кандидатов, представляющих укрупненные реги-